

Про всякие "бабочки" Настя знала – это когда всякие умники вмешиваются в историю и потом... попа полная настаёт -никакая она не героиня, хотя что-то страшное творилось с головой.

Она замерла. Это ненормально было.

Настя была девочка умная и училась хорошо, но никогда не отличалась знаниями в точных предметах. Она хоть была блондинкой, но «блондинкой» не была – нормальная она была, хорошо училась. Как все нормальные люди забывала всё подряд.

А сейчас, она с легкостью вспомнила страницу учебника химии, вспомнила строки одной дурацкой книжки, которую ей подсунул Генка Локтев, про попаданцев этих дурных. Она точно вспомнила несколько составов пороха. Вот уж на что ей было плевать – как серу, селитру и уголь смешивать.

Почему сразу порох! Какой порох, какие попаданцы – не надо дергаться – раздавишь какого-нибудь таракана и всё: птичка его не съест, лиса не съест птичку, мужик не убьет лису, не подарит невесте воротник, не родится ребенок. Не родится она. Но она вот она – сидит как дура идиотка идиотская на голом пляже в красной майке. Доигралась. Ну её к чертям эту игру.

«Пойти, утопиться что ли? Чаю мне сейчас никто не нальёт, и веревки нет, чтобы повеситься», – спокойно подумала Настя и посмотрела на воду залива новыми глазами.

Какая же она чудесная: чистая, прозрачная, всеми оттенками зелени и бирюзы отливающая морская вода, и как много её, до самого горизонта над которым солнце уже встало, но еще не дошло до зенита своего, но и не слепило лучами утреннего восхода.

Первозданная красота мира и моря не утешала, в голове всё работала малознакомая машина рассуждений: неприятная такая сообразительность, критичная, хладнокровная, мешающая расплакаться и поорать от души на весь этот проклятый мир, на себя несчастную. Если ты попаданка, всплывшая в твоей голове шутка юмора Антона Павловича Чехова тебе поможет, только держись, вот только карман держи шире!

Если ты попаданка и знаешь про эффект бабочки, тебе остается выбор: либо умереть тихо сразу, либо забиться в дыру поглубже, в нору где белый кролик не пробегал, и тихо там сидеть, питаюсь травками и дикими оливками – ведь должны же быть на этом проклятом Кипре оливки. И почему сразу проклятом? Самое место таким как она – остров, мало шансов столкнуться с людьми. И никому она не навредит своим появлением в это время.

А время точно было ненормальное – раз нет мусора – нет обычности, раз нет присутствия людей – нет цивилизации рядом! А вдруг не Кипр? Этого только не хватало!

И жить хочется! Настя никак не могла расплакаться. Она редко плакала. Характер был такой у неё – не плаксивый, скрытный и одновременно общительный, много было у неё друзей. Только нет теперь никого! Ни Ленки Петровой, ни Лариски Путилиной, ни Аньки сволочи – до сих пор не отдаёт долг. И Андрюшки нет, и Сашки, Алешки, ни дурака Генки со своими вечными выдумками – вот ведь попа, анус, вдвойне попаданус!

Судьба хранила девушку, не всё в нашей жизни пинки и плевки, встречаются в равной мере и улыбки и подарки. Даже от незнакомых людей, прохожих. Как тот старичок, который подкрался незаметно, но потом осторожно выполз из кустов, и на коленях стал ползти по песку к Насте.

Звягинцева сразу услышала постороннего, резко отвернулась от моря в сторону шороха, но испугаться не успела. Она широко раскрытыми глазами смотрела на это чудо доисторическое и пыталась связать в голове концы с началами.

Старичок был тощий, лысенький, весь коричневый от загара, и на нем никакой одежды не

было вовсе – только какая-то плетеная из веточек юбочка на бедрах прикрывала то, что там у него от членика осталось. Она хорошо видела главное: этот абориген местный боялся её еще больше, чем она всего боялась.

И когда он подполз близко, ей сделалось противно от запаха, которым был пропитан этот старикашка – он был пропитан запахом старости и бомжатности. Неприятно когда такие люди к вам приближаются. Вот и ей резко расхотелось с таким типом новостями обмениваться.

«А ты ещё, что за Хрюндель?» – заорала на старичка Настя.

Старик замер. Поднял голову. Пристально всмотрелся в её лицо и вдруг резко заговорил негромким хриловатым голосом. Так говорят люди, которые не часто общаются с другими, бывают такие, встречаются везде анахореты и прочие молчуны.

И ни слова не поняла Настя из услышанной нелепицы, сплошные «кала-мала», «кар-мар», «теа-генеа».

«Вот и это еще на мою голову, это что за язык такой? Надо на нормальном русском спросить его, и на английском», – подумала Звягинцева и перебила разговарившегося старого бродяжку, стала задавать вопросы.

Первым делом она спросила про место: это Кипр? Сайпрес? Старик ничего не понял, не закивал утвердительно, как надеялась Настя. И ей сделалось опять дурно – да куда же она залетела во сне? Это что за место такое кругом!

Немного она успокоилась оттого, что старик отрицательно помахал руками на очередное упоминание Кипра, он указал в сторону, противоположную от моря, вглубь острова, и

несколько раз повторил «кипрос», при этом лицо его сделалось недовольным и немного смешным, видно было, что этих «кипосов» он не уважал, не любил и сам никоим образом себя «кипросом» не считал.

Воняло от него как-то неприятно, не так уж и противно, но неуютно рядом с ним было. Махнув на него рукой, Настя отошла к зелени и присела на травку. А когда старик вознамерился составить ей компанию, она решительно указала ему на море: «Иди вымойся, вонючка!» и несколько раз повторила этому застывшему от таких слов старикашке: «Иди, иди, нечего ко мне приближаться. Умойся, потом будем коннекты налаживать. Я голодная, как скотина! Ох, мама...»

И она заплакала. Просто сидела, и слезы текли, и не было никакого желания рыдать навзрыд, трястись в припадке, тупо сидела и слезы текли по лицу. Хорошо, хоть старикашка убежал к морю и уже плескался там, и вопил что-то на своем «лопотанском языке».

Когда он вернулся, пахло от него лучше, на пользу пошло ему омовение морской водичкой, он словно и головой своей лысой стал лучше соображать: сначала подошел и, только приблизившись, упал на колени.

Настю это немного напрягало. Момент был глупый и непривычный. По всему выходило, что это местный дикарь какой-то, и она ему не ровня – в голове уже успели промелькнуть факты, которые её заставили вопросительно посмотреть на небо, задавая немой вопрос: «И за что мне это? А можно это забрать, а меня вернуть обратно?»

Внезапно Настя поняла, что у неё память стала другой, какрй-то... идеальной, она могла вспомнить то, с чем познакомилась несколько лет назад. Сейчас бы она любой экзамен сдала в любой университет России, только не было никаких универов больше – не может быть универов там, где вот такие бомжи встречаются – совсем без цивилизации, и явно европейской наружности.

И неожиданно, Звягинцева поняла и другое: спасибо тебе папа, самбо это спокойная оборона и

весьма скромное нападение, но при необходимости и в случае нехорошего поведения, она этому старичку вмиг руку заламает, узнает, нетопырь, как над девушкой глумиться!

Глум и стёб Настя не любила. Она могла шуткой Масыни отговориться и поднять всем и себе настроение, но не любила серьезно людей доставать.

Старик сидел на коленях, она пыталась познакомиться. Настя, Анастасия, Звягинцева – все эти слова ему казались преисполненными особого смысла, реагировал старичок с уважением, восторженно кивая головой. Ткнул и себя в грудь кулаком и назвался «Кадмен».

Настя чуть прищурилась и стала соображать. Жаль, но воспоминания не могли работать как википедия, нельзя было сосредоточиться на слове и вызвать подсказку: где, и в каких словосочетаниях употребляется нужное слово. Имя «Кадм» точно было ей известно, вроде бы слышала что-то такое, но древностью от него веяло, не русское имя, не сразу и вспомнишь всяких Кадмов.

Осторожно, аккуратно она стала уточнять и останавливать старика, который время от времени что-то ей негромко и с уважением втолковывал. Малая часть слов казалась знакомой.

Точно Кипр рядом, греческое что-то в словах мелькало, она слышала какие-то «научообразные частицы» точно понимала – от греческого языка он разговаривает, но очень искаженного греческого, и её он «Анна Стасиона» начал величать.

Здесь точно греки рядом проплывали.

Но жуть была в том, что старик начинал её пугать, точнее не он сам, а то, как спокойно он реагировал на те крохи знаний, которые ему подсовывала Настя, просто начав перелистывать в памяти учебник древней истории мира за пятый класс.

Она останавливала его, уточняла, и старик уверенно кивал головой и указывал в разные стороны света, подтверждая то, что есть такие места, которые известны ей, восхитительной и такой умной Анне Стасионе.

<http://tl.rulate.ru/book/98296/3325420>